

Univеrsuм.

(Эмпириомонизмъ отдѣльнаго и непрерывнаго).

Эмпириомонистическая точка зрѣнія на жизнь и міръ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ новымъ вопросомъ, съ новой загадкой. Если различныя координаціи ассоціативнаго характера могутъ «отражаться» одна въ другой, т.-е. вызывать одна въ другой измѣненія по типу причинной связи, то онѣ должны находиться въ нѣкоторомъ «общемъ полѣ», быть не вполне «отдѣльными» одна отъ другой. — Для дуализма въ этомъ пунктѣ особыхъ трудностей не возникаетъ. Онъ принимаетъ, что всѣ «тѣла» находятся въ одномъ, непрерывномъ общемъ полѣ — въ «природѣ физической», и понятно, что тамъ они могутъ «воздѣйствовать» одно на другое; психика же «воздѣйствуетъ» на другую психику *при посредствѣ* тѣлъ, а не прямо; поэтому для двухъ психикъ и не требуется непосредственно «общаго поля» (хотя, конечно, требуется другое «общее поле» — для каждой психики съ соотвѣтственнымъ ей «тѣломъ»). Но мы признали, что сама «физическая природа» есть *производное* отъ комплексовъ непосредственнаго характера (къ числу которыхъ принадлежатъ и «психическія» координаціи), что она есть отраженіе такихъ комплексовъ въ другихъ, имъ аналогичныхъ, только самаго сложнаго типа (въ социально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ). Такимъ образомъ

сдѣлать «физическій міръ» посредникомъ между отдѣльными непосредственными координаціями, напр., психикой человѣка *A* и человѣка *B*, оказывается невозможно. Для нихъ требуется иное всеобщее поле, иная система непрерывныхъ связей, которой непосредственный опытъ однако не даетъ. Какимъ образомъ чужое сознаніе, находясь, несомнѣнно, *вне* моего, можетъ порождать въ немъ измѣненія по закону причинности, который выражаетъ соотношенія *непрерывнаго* характера? Какимъ образомъ мои собственныя «безсознательныя переживанія» одновременно являются и жизненно-связанными съ главной координаціей—«сознаніемъ», какъ части одной и той же «психической системы», и отдѣльными отъ этой координаціи—«недоступными сознанію»?—Вообще, если познаніе стремится установить *непрерывность* всего, что познается, то какимъ образомъ оно можетъ допустить *отдѣльность* различныхъ явленій, какъ мирится оно съ тѣмъ фактомъ, что различные комплексы выступаютъ *не въ одномъ* полѣ, не сливаются въ одинъ непосредственный *пав*-комплексъ?

Этотъ же вопросъ можно выразить, какъ задачу объ «индивидуальномъ» и «универсальномъ», какъ требованіе охватить одной стройной познавательной концепціей самостоятельность «частнаго» и единство «всеобщаго». Фатальный для философіи вопросъ объ «я» и «не-я» представляетъ изъ себя только часть, только извѣстную сторону этой задачи, и разрѣшается вмѣстѣ съ нею.

Познаніе не можетъ создать точной картины опыта, если въ ней не найдутъ себѣ мѣста всевозможные *перерывы* опыта. Но картина не будетъ монистической, если эти перерывы останутся простыми *нарушеніями непрерывности*. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, чтобы свести ихъ къ тѣмъ же объединяющимъ формамъ, которыя вообще создаютъ познавательную непрерывность «реальнаго», — подобно тому какъ перерывъ между «организмомъ» и «психикой» мы свели къ объединяющей непрерывности причинной связи. Если бы это не удалось, то мы пришли бы только къ новой формѣ

дуализма, или, пожалуй, къ плюрализму «непрерывностей раздѣленныхъ перерывами». Здѣсь — рѣшающее испытаніе для эмпириомонистической точки зрѣнія.

I.

Изслѣдованіе нашей задачи всего удобнѣе начать съ вопроса о реальномъ единствѣ психической системы — о жизненной связи «сознанія» и «безсознательнаго» въ рамкахъ такой системы.

Принимая полный параллелизмъ фізіологическихъ процессовъ съ непосредственными переживаніями, принимая, что первые представляютъ опредѣленное «отраженіе» вторыхъ, мы приобрѣли для своего анализа большое методологическое преимущество: возможность, вмѣсто одной «стороны» жизни подставлять, по мѣрѣ надобности, другую. Однѣ особенности жизненныхъ комплексовъ легче прослѣдить и систематизировать съ «фізіологической» точки зрѣнія, другія съ «психической». Вопросъ о реальномъ единствѣ живого существа, очевидно, цѣлесообразнѣе разсматривать сначала «фізіологически», потому что фізіологія даетъ намъ это единство и въ наиболѣе наглядной, и въ наиболѣе понятной формѣ, какъ единство «живого тѣла». Опираясь на всѣ приобретенія фізіологическаго анализа, гораздо легче преодолѣть трудности анализа «непосредственныхъ переживаній».

Фізіологически, живое существо представляется, какъ непрерывный, пространственно-ограниченный комплексъ физико-химическихъ процессовъ. Процессы эти познаются энергетически, какъ усвоеніе и затрата энергіи въ томъ или другомъ «мѣстѣ» организма. «Непосредственныя переживанія» соотвѣтствуютъ тѣмъ случаямъ, когда усвоеніе и затрата взаимно не уравниваются, когда возникаетъ «жизнеразность». Въ сферу «психическаго опыта» входятъ лишь тѣ изъ непосредственныхъ переживаній, которыя соотвѣтствуютъ жизнераз-

ностямъ центральнаго нервнаго аппарата—наиболѣе развитой, наиболѣе *связной* изъ фізіологическихъ системъ организма. Но и эти переживанія еще далеко не всѣ протекаютъ въ предѣлахъ психическаго опыта: когда въ различныхъ уголкахъ центральной нервной системы «жизнеразности» протекаютъ изолированно, не сливаясь съ общимъ потокомъ жизнеразностей объединяющихъ, «высшихъ» центровъ, то соотвѣтственныя переживанія остаются «внѣ сознанія». Гдѣ прерывается связь жизнеразностей, тамъ прерывается и связь непосредственныхъ переживаній *).

Итакъ, «общее поле сознанія» существуетъ постольку, поскольку жизнеразности центральнаго органа взаимно связываются въ непрерывный рядъ. Предполагать, что для другихъ, внѣ-сознательныхъ координацій дѣло обстоитъ иначе, мы, очевидно, не имѣемъ никакихъ основаній. Получается такой выводъ: непосредственныя переживанія выступаютъ въ одномъ полѣ (т.-е. въ непосредственной связи) въ тѣхъ же случаяхъ, когда фізіологическія жизнеразности непосредственно соединяются между собою; непосредственныя переживанія протекаютъ въ различномъ полѣ, когда жизнеразности фізіологически разбѣднены, не образуютъ непрерывной цѣпи въ фізіологической системѣ.

*) Представленіе, котораго, повидимому, держался Р. Авераріусъ, что жизнеразности, протекающія въ отдѣльныхъ „Partialsysteme“, соединяются съ „фактами сознанія“ (E—Werte), совершенно неудовлетворительно. Ему противорѣчатъ всѣ тѣ случаи, когда „Partialsystem“, несомнѣнно, затронута раздраженіемъ, и даже реагируетъ на него, но это не сознается (сложныя автоматическія дѣйствія при направленномъ въ другую сторону вниманіи). Конечно, „Partialsysteme“ существуютъ, это доказывается ученіемъ о мозговой локализаци; но ихъ спеціальныя жизнеразности связываются съ „сознаніемъ“ постольку, поскольку эти „Partialsysteme“ являются *исходной точкой общихъ координированныхъ* жизнеразностей высшихъ центровъ, поскольку ихъ жизнеразности вступаютъ въ непрерывный общій потокъ жизнеразностей центральнаго аппарата.

Предположимъ, что въ двухъ частяхъ фізіологической системы, въ *A* и въ *C* возникаютъ жизнеразности. Обѣ эти части жизненно связываются между собою при посредствѣ комплекса кѣлокъ и тканей *B*. Если и *B* находится въ состояніи жизнеразности, которая непосредственно переходитъ въ жизнеразности *A* и *C*, то переживанія, соотвѣтствующія всѣмъ этимъ жизнеразностямъ, выступаютъ въ одной координаціи, въ одномъ полѣ; если *B* находится въ состояніи жизненного равновѣсія, такъ что жизнеразности *A* и *C* разъединены между собою, то непосредственныя переживанія, соотвѣтствующія обѣимъ жизнеразностямъ, протекаютъ въ различныхъ, взаимно отдѣльныхъ координаціяхъ, являются въ различныхъ «поляхъ переживаній». Напримѣръ, одно изъ нихъ «сознается», а другое остается «внѣ сознанія».

Жизненное усвоеніе и жизненная затрата энергіи—процессы *непрерывные* и *взаимно-противоположные*. При жизненномъ равновѣсіи оба эти процесса не прекращаются, а только взаимно нейтрализуются. Процессъ усвоенія, если его разсматривать отдѣльно, есть непрерывная положительная жизнеразность, процессъ затраты энергіи—непрерывная жизнеразность отрицательная. Слѣдовательно, жизненное равновѣсіе представляетъ изъ себя опредѣленный случай *интерференціи жизнеразностей*—случай взаимнаго уничтоженія противоположныхъ жизнеразностей.

Какъ мы уже знаемъ, жизненное равновѣсіе соотвѣтствуетъ «нулевымъ» переживаніямъ — отсутствію непосредственныхъ переживаній. Если жизнеразность смѣняется равновѣсіемъ, переживаніе исчезаетъ — прерывается. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующій, очень важный для нашего анализа выводъ: *перерывы переживаній соотвѣтствуютъ полной интерференціи противоположныхъ жизнеразностей* *).

*) Для удобства изложенія, мы заранѣе условимся съ читателемъ употреблять терминъ „интерференція“ въ этомъ болѣе узкомъ значеніи—взаимнаго уничтоженія величинъ равныхъ,

Теперь постараемся выяснить, какія слѣдствія вытекаютъ изъ этого положенія для эмпириомонистической концепціи психическаго опыта.

II.

Жизнеразность не есть величина просто алгебраическая,— это энергетическая величина *жизненныхъ процессовъ*. Она обладаетъ опредѣленной «формой», болѣе простой или болѣе сложной, и форма эта соответствуетъ опредѣленному типу и комбинаціи элементовъ «непосредственно переживаемаго» *).

Предположимъ, что въ извѣстныхъ нервныхъ центрахъ имѣется жизнеразность $+A$, «форма» которой намъ дана, и знакъ тоже, именно, плюсь—перевѣсъ усвоенія надъ затратою энергіи. Этой жизнеразности соответствуетъ въ сферѣ «непосредственныхъ переживаній» вполне опредѣленный комплексъ элементовъ; обозначимъ его E . Въ тѣхъ же самыхъ центрахъ вполне мыслима жизнеразность отрицательная, по своей формѣ вполне «симметричная» первой, т.-е. во всѣхъ частяхъ воспроизводящая первую, только съ обратнымъ знакомъ. Эту вторую жизнеразность можно обозначить, какъ $-A$, потому что въ соединеніи съ первой она должна давать полную интерференцію—жизненное равновѣсіе. Но взятая отдѣльно, она въ свою очередь соответствуетъ вполне опредѣленному «непосредственно переживаемому» комплексу, который мы пока назовемъ X , потому не знаемъ заранѣе, каковъ онъ именно.

Если обѣ жизнеразности выступаютъ вмѣстѣ и одновременно, то въ силу принимаемаго нами параллелизма мы съ

но взаимно противоположныхъ по знаку. Въ физикѣ терминъ этотъ, какъ извѣстно, служитъ для обозначенія также иныхъ случаевъ—къ интерференціи волнъ относятся и тѣ комбинаціи, когда одна волна, присоединяясь къ другой, усиливаетъ ее собою.

*) См. R. Avenarius—„Kritik d. r. Erfahrung“, I, 73—76 слѣд., и II, 16—18 и слѣд.

полнымъ основаніемъ можемъ ожидать, что и оба комплекса «непосредственного» характера также являются совмѣстно. Однако, что же при этомъ получается? Обѣ жизнеразности *интерферируютъ*, образуя жизненное равновѣсіе; а оно означаетъ отсутствіе непосредственныхъ переживаній. Слѣдовательно, комплексы *E* и *X*, соединяясь, даютъ въ результатъ нуль, *взаимно уничтожаютъ* другъ друга, т.-е. интерферируютъ такъ же, какъ жизнеразности.

$$E + X = 0; \text{ или } X = -E.$$

Необходимый выводъ: *интерференція жизнеразностей соответствуетъ интерференціи непосредственныхъ переживаній*. Эмпириомонистически, первая, очевидно, является отраженіемъ второй.

III.

Отвлеченная и дедуктивно добытая формула, которая говоритъ объ интерференціи переживаній, не можетъ имѣть для нихъ никакого реального значенія, пока не обнаружено, какія конкретныя содержанія охватываетъ она собою. Требуется выяснить вопросъ, въ чемъ заключается интерференція переживаній, какія переживанія интерферируютъ между собою, взаимно уничтожая другъ друга. Отвѣта слѣдуетъ искать, очевидно въ области психического опыта.

Какъ извѣстно, психическій опытъ представляетъ изъ себя непрерывный рядъ *измѣненій*, въ которомъ различные комплексы возникаютъ и исчезаютъ, замѣняясь новыми. Вступленіе какого-нибудь комплекса въ поле сознанія, его сохраненіе и его удаленіе изъ этого поля—къ этимъ тремъ моментамъ и въ то же время къ этимъ тремъ *типамъ* сводятся всѣ непосредственныя переживанія, какія намъ извѣстны. Логически очевидно, что первый и третій моментъ взаимно-противоположны, и если они протекаютъ одновременно въ полномъ

взаимномъ соотвѣтствіи, должны уничтожать другъ друга; а это и будетъ интерференція, дающая «нулевое» переживаніе.

Но на это строгій критикъ можетъ сказать, что такой выводъ есть чисто формальная дедукція, подѣ которую нельзя подставить дѣйствительныхъ наблюдений. Если въ дѣйствительности подобная интерференція происходитъ, то вѣдь констатировать ее невозможно: «нулевое», интерферированное переживаніе совершенно неуловимо; и тѣмъ болѣе нельзя установить, что оно возникло изъ двухъ параллельныхъ переживаній — возникновенія и уничтоженія какого-то комплекса. Нельзя, конечно, опровергнуть той мысли, что если въ сознаніи какой-нибудь комплексъ уничтожается ровно настолько же, насколько возникаетъ, то въ результатѣ для сознанія ничего не получается; но не есть ли это *мнимая* мысль, пустая тавтологія, изъ которой нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ?

Отвѣтъ мы почерпнемъ изъ крайне простаго эксперимента, который одновременно и докажетъ намъ существованіе эмпирической основы для нашего вывода, и выяснитъ отношеніе всѣхъ трехъ моментовъ «переживанія».

Пусть передъ нами имѣется непрозрачный черный экранъ, который закрываетъ для насъ поле зрѣнія. Въ этомъ экранѣ имѣется только одно маленькое отверстіе, черезъ которое мы видимъ ограниченную часть совершенно ровной и плоской, однообразно окрашенной, положимъ, синей поверхности. Оставляя въ сторонѣ впечатлѣнія отъ экрана, мы можемъ сказать, что въ полѣ зрительнаго опыта имѣется вполне опредѣленный комплексъ элементовъ «синяго» (для упрощенія, мы будемъ говорить только о цвѣтовыхъ элементахъ, не касаясь зрительно-иннервационныхъ, элементовъ «формы»). Пусть вся синяя поверхность непрерывно и ровно движется въ какомъ угодно направленіи, но въ своей собственной плоскости. Что тогда получается? Мы *не замѣчаемъ* этого движенія. Въ нашемъ «воспріятіи», въ нашемъ психическомъ опытѣ остается все одинъ и тотъ же комплексъ элементовъ «синяго», который не

измѣняется, какъ бы ни была велика скорость «физическаго» движенія плоскости *).

Что же это значитъ? Движеніе плоскости непрерывно устраняетъ одни за другими элементы «синяго» изъ поля зрительнаго опыта; но на мѣсто cadaго исчезающаго элемента то же самое движеніе вводитъ новый, съ нимъ одинаковый: то-жественные ряды элементовъ возникаютъ и уничтожаются въ строгомъ соотвѣтствіи между собою, вполне параллельно другъ другу; и результатъ именно таковъ, какого требуетъ понятіе интерференціи: новаго переживанія не возникаетъ.

Какъ видимъ, здѣсь идея интерференціи переживаній необходима, чтобы устранить противорѣчіе опыта «субъективнаго» (неизмѣнное воспріятіе) и «объективнаго» (движущаяся плоскость). Особенно очевидна становится необходимость такой концепціи въ томъ случаѣ, если принять во вниманіе обычныя варіаціи подобнаго рода наблюденій.

Пусть синяя поверхность имѣетъ ограниченные размѣры, и по прошествіи нѣкотораго времени въ поле зрѣнія наблюдателя попадаетъ ея «край»; тогда исчезающіе элементы «синяго» не замѣняются въ воспріятіи вновь возникающими такими же элементами, и «синій» комплексъ уменьшается, а затѣмъ исчезаетъ (замѣняясь обыкновенно какимъ-нибудь другимъ). Тутъ уже движеніе поверхности «замѣчается», говоря точнѣе—выступаетъ какъ ближайшая, необходимая, непосредственно возникающая гипотеза, гармонически объединяющая рядъ измѣняющихся воспріятій. Гипотеза же интерференціи элементовъ переживаемаго является хотя и гораздо болѣе сложной, но не менѣе необходимой для того, чтобы гармонически объединить всѣ тѣ данныя опыта, на основаніи которыхъ мы «знаемъ», что синяя поверхность движется (напр., сообщенія объ этомъ другихъ людей) съ относительной неизмѣнностью «воспріятія» поверхности. И всякій неизбѣжно

*) Перемѣны, происходящія отъ утомленія глаза и т. под. условій мы игнорируемъ, такъ какъ онѣ ничего не мѣняютъ въ самомъ смыслѣ эксперимента.

«принимаетъ» эту гипотезу, высказывая ее, напр., въ такой формѣ: я знаю, что поверхность движется, но она *кажется* мнѣ неподвижной, потому что то, что уходитъ, одинаково съ тѣмъ, что приходитъ.

Этого мало. Дальнѣйшая гармонизація опыта требуетъ расширения сферы, на которую простирается гипотеза, ея распространения на другіе ряды фактовъ. Пусть синяя поверхность неподвижна. Человѣкъ «видитъ» ее, пока глаза открыты; стоитъ закрыть глаза—воспріятіе исчезаетъ; достаточно открыть ихъ—оно появляется снова. Объединяя массу подобныхъ наблюденій, человѣкъ «принимаетъ» существованіе «тѣлъ» или «вещей», какъ постоянныхъ «источниковъ» ощущеній. На почвѣ научнаго синтеза, онъ признаетъ, что его «воспріятіе» синей поверхности «обусловлено» свѣтовыми лучами, непрерывно отъ нея исходящими, вызывающими измѣненія въ сѣтчаткѣ глаза, нервныхъ проводникахъ, нервныхъ центрахъ. Но тутъ и возникаетъ новое противорѣчіе: дѣйствіе лучей, вызывающихъ измѣненія, продолжается непрерывно, а соответствующее «воспріятіе», быстро развившись до *maximum*, дальше извѣстное время замѣтно не измѣняется. Повидимому, вновь и вновь непрерывно возникая при продолжающемся дѣйствіи порождающихъ его условій, оно должно все болѣе возрастать, какъ это и происходитъ *въ самомъ началѣ* его развитія, когда оно еще только «образуется». Противорѣчіе исчезнетъ, если принять, что за извѣстнымъ предѣломъ оно настолько же «уничтожается», насколько «возникаетъ», что дальше этого предѣла интерференція элементовъ не допускаетъ его возрастанія. Физиологически это выражается въ томъ, что измѣненія нервныхъ элементовъ, ихъ «жизнеразности», не прогрессируютъ безъ конца, но на опредѣленномъ уровнѣ, находящемся въ зависимости отъ всей суммы условій, останавливаются, потому что дальнѣйшій ростъ ихъ уравнивается новыми жизнеразностями, *реактивно* возникающими въ центральномъ аппаратѣ.

Если дѣйствіе лучей на сѣтчатку прекращается, напр., бла-

годаря закрытію глазъ, то зрительное воспріятіе исчезаетъ; это происходитъ хотя и очень быстро, но въ извѣстной непрерывной послѣдовательности: исчезающіе элементы комплекса не замѣняются вновь выступающими. Физиологически, этому соотвѣтствуетъ устраненіе прежней жизнеразности: нѣтъ больше тѣхъ условій, которыя вновь и вновь вызывали ее, а та «реактивная» жизнеразность, которая также вновь и вновь возникала при этомъ, удерживая первую на извѣстномъ предѣлѣ, теперь окончательно ее уравниваетъ и уничтожаетъ; при этомъ послѣдняя и сама исчезаетъ, такъ какъ дѣйствіе вызывавшей ее причины прекратилось съ уничтоженіемъ первой жизнеразности.

Мы приходимъ къ слѣдующему выводу: интерференція переживаній не только вообще возможна, но необходимо должна быть признана для цѣлаго ряда такихъ случаевъ, когда психическій комплексъ сохраняется въ полѣ сознанія. Чтобы гармонически связать данныя «субъективнаго» и «объективнаго» опыта, неизбѣжно принять, что «сохраненіе» психическихъ комплексовъ есть *подвижное*, динамическое равновѣсіе, основанное на непрерывномъ вступленіи элементовъ въ поле сознанія и непрерывномъ ихъ удаленіи изъ него, равновѣсіе, подобное сохраненію формы водопада.

Впрочемъ, современное познаніе и *не можетъ* представлять себѣ психическую жизнь иначе, какъ въ видѣ потока переживаній. Закономѣрность движенія этого потока оно не можетъ не сводить къ причинной связи; а та интерференція переживаній, о которой мы говорили, есть *одна изъ типическихъ формъ причинной связи явленій*. Для физическаго опыта мы постоянно пользуемся этой формой причинности; задача заключается теперь въ томъ, чтобы показать намъ, что можетъ она дать для опыта психическаго, и для монистической концепціи всякаго опыта вообще. Рѣшеніе вопроса о познавательной цѣлесообразности идеи есть рѣшеніе вопроса объ ея истинности...

IV.

Та связь непосредственных переживаній, которую мы находимъ въ своемъ психическомъ опытѣ,—связь ассоціативная обладаетъ своеобразнымъ, *цѣпнымъ* характеромъ. *Непосредственно* къ каждому переживанію присоединяется всегда лишь очень ограниченное число другихъ аналогичныхъ комплексовъ; но *при посредствѣ* этихъ другихъ присоединяется уже гораздо большее количество еще иныхъ комплексовъ, затѣмъ при посредствѣ тѣхъ—дальнѣйшіе ряды переживаній, и т. д., безъ конца. Комплексъ *Z* можетъ стоять внѣ всякаго прямого отношенія къ комплексу *A*, и тѣмъ не менѣе принадлежать къ одной съ нимъ ассоціативной цѣпи, связываясь съ нимъ путемъ ряда промежуточныхъ комплексовъ *Y, X, V, U E, D, C, B*. Только такимъ способомъ система психического опыта приобретаетъ тѣ колоссальные размѣры, какіе наблюдаются въ дѣйствительности.

Но вполне очевидно, что при такомъ строеніи ассоціативной системы достаточно выпасть гдѣ-нибудь одному изъ посредствующихъ звеньевъ—и связь нарушается, цѣпь разрывается. Если переживанія *A* и *C* связаны при посредствѣ *B*, то они не могутъ оказаться *въ одномъ полѣ*, пока *B* отсутствуетъ. А комплексъ *B* при наличности *A* не является въ полѣ психического опыта при томъ условіи, что онъ *подвергся полной интерференціи*, что онъ уравновѣшенъ диаметрально противоположнымъ переживаніемъ. Такимъ образомъ *интерференція переживаній обуславливаетъ перерывъ психического поля*. И *A*, и *C* какъ непосредственныя переживанія могутъ тогда существовать *одновременно, но не вмѣстѣ*: одно, напр., въ полѣ сознанія, а другое—«внѣ сознанія».

На каждомъ шагѣ случается наблюдать, какъ ассоціативная

связь обрывается, и вновь восстанавливается. Ученикъ отвѣчаетъ выученный урокъ; ему кажется, что онъ его превосходно знаетъ, и вдругъ—остановка. Ученикъ «забылъ» все, что дальше. Учитель подсказываетъ всего нѣсколько словъ—и все недосказанное сразу всплываетъ въ психикѣ ученика. Эти нѣсколько словъ и были тѣмъ связующимъ звеномъ, которое временно вышло изъ ассоціативной цѣпи.—Ученикъ «забылъ» ихъ; однако, если бы дать ему время «подумать», онъ и самъ бы ихъ «вспомнилъ». Очевидно, что недостающее звено не было просто уничтожено,—оно «существовало», но не «переживалось». Чтобы такое сочетаніе понятій не было плоскимъ противорѣчіемъ, совершенно необходимо принять то, что мы признали: недостающее переживаніе, которое разрываетъ ассоціативную цѣпь, находится въ состояніи полной интерференціи, т.-е. въ соединеніи съ прямо-противоположнымъ переживаніемъ; рядомъ со вступленіемъ элементовъ въ поле сознанія идетъ устраненіе совершенно тождественныхъ элементовъ, и наоборотъ *).

Какъ бы ни былъ ничтоженъ размѣръ «интерферирующаго» комплекса, все равно, то, что присоединяется къ полю сознанія *при посредствѣ* этого комплекса, окажется внѣ этого поля. Величина перерыва совершенно не имѣетъ здѣсь значенія: ученикъ можетъ «забыть» одну букву, и онъ не въ состояніи вспомнить ни того имени, которое съ нея начинается, ни цѣлой исторіи, которая съ этимъ именемъ ассоціирована. Стоитъ напомнить ему эту букву—и онъ вспоминаетъ сразу все дальнѣйшее. При этомъ обыкновенно это «дальнѣйшее» вступаетъ въ поле сознанія съ такой стремительностью и въ такомъ количествѣ, которыя далеко превосходятъ предыдущее теченіе ассоціацій у того же лица; невольно яв-

*) Принять, что недостающее звено ассоціативнаго ряда „переживается“ въ иномъ полѣ, здѣсь невозможно, потому что именно оно *прямо и непосредственно* ассоціировано съ наличными въ полѣ опыта звеньями, такъ что перерывъ между нимъ и этими послѣдними оказался бы необъяснимымъ.

ляется мысль, что всѣ эти комплексы уже «имѣлись готовыми», уже «переживались», только въ другомъ полѣ, которое было перерывомъ отдѣлено отъ поля сознанія; перерывъ исчезъ— и обѣ сферы переживаній слились между собою.

Въ данномъ случаѣ такое предположеніе можетъ показаться необоснованнымъ. Но въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, по основному смыслу очень близкихъ къ этому, оно оказывается необходимымъ, единственно возможнымъ.

Эти случаи мы уже знаемъ: всѣ явленія „безсознательныхъ высказываній“ и вообще „внѣ-сознательныхъ переживаній“. На нихъ намъ слѣдуетъ опять остановиться: идея интерференціи переживаній даетъ имъ новое освѣщеніе, отнимающее всю ихъ принципиальную загадочность.

V.

«Безсознательныя высказыванія» соотвѣтствуютъ, какъ мы видѣли, изолированнымъ координаціямъ переживаній, которыя не примыкаютъ прямо къ главной координаціи—сознанію, но въ то же время жизненно съ ней связаны—до сихъ поръ мы не пытались ближе опредѣлить, какимъ образомъ. До сихъ поръ мы имѣли только намеки относительно характера этой связи: параллелизмъ переживаній съ ихъ фізіологическимъ отраженіемъ — жизнеразностями далъ намъ эти намеки. Не всѣ жизнеразности непосредственно сливаются съ главнымъ потокомъ жизнеразностей центральнаго аппарата; тѣ, которыя отъ него изолированы, должны соотвѣтствовать «изолированнымъ» отъ сознанія переживаніямъ съ ихъ «безсознательными» высказываніями. Теперь намъ становится понятнымъ и то, откуда эта изоляція возникаетъ, и то, какая жизненная связь при ней сохраняется.

Всѣ различныя координаціи непосредственныхъ переживаній, принадлежащія одному и тому же «живому существу» взаимно связаны такой же, по существу, связью, какъ та,

которая наблюдается внутри ихъ, — связью *ассоціативною*. Если, тѣмъ не менѣе, онѣ оказываются «въ различномъ полѣ», если онѣ непосредственно не сливаются между собою, то это зависитъ *не отъ абсолютныхъ перерывовъ* между ними: тогда не могло бы быть и рѣчи ни о какомъ жизненномъ единствѣ. Перерывы — это только интерферирующія звенья непрерывной ассоціативной цѣпи, переживанія, нейтрализованныя параллельно протекающими противоположными переживаніями. Стоитъ этимъ промежуточнымъ звеньямъ выйти изъ своего динамическаго равновѣсія — и различныя координатіи сливаются, выступаютъ въ «общемъ полѣ». Такъ нерѣдко и бываетъ въ дѣйствительности.

Поясимъ это на примѣрѣ. Ваше «сознаніе» всецѣло поглощено обдумываніемъ труднаго и сложнаго предпріятія, которое вы готовите; «безсознательно» — вы идете по улицѣ, тщательно обходя всѣ встрѣчныя препятствія. Но вотъ съ вами сталкивается знакомый, который останавливаетъ васъ и спрашиваетъ, куда вы идете. Вы сразу «возвращаетесь къ дѣйствительности», и начинаете замѣчать окружающее; но въ то же время прежняя нить мыслей не прерывается, а только нѣсколько спутывается и начинаетъ развиваться замедленнымъ темпомъ. Такимъ образомъ двѣ прежде взаимно изолированныхъ координатіи слились въ одномъ полѣ. Что же вызвало эту перемѣну? Новый комплексъ (окликъ знакомаго) съ большою энергіей вступилъ въ одинъ изъ ассоціативныхъ рядовъ, и нарушилъ равновѣсіе ассоціативно смежныхъ комплексовъ. Въ числѣ этихъ комплексовъ нашелся и такой, который могъ ассоціативно связать данный рядъ съ другимъ, и выйдя изъ состоянія полной интерференціи, дѣйствительно связалъ ихъ.

На этой иллюстраціи легко видѣть, насколько подобная интерференція переживаній можетъ являться жизненно-цѣлесообразной. Пока два ассоціативные ряда были разъединены, каждый изъ нихъ развертывался самостоятельно, и ни одинъ «не мѣшалъ» другому. Едва они встрѣтились въ одномъ полѣ —

они начинают непосредственно вліять одинъ на другой, что при большой ихъ разнородности приводитъ къ дисгармоническимъ комбинаціямъ. Отношеніе къ окружающему перестаетъ быть «автоматичнымъ» и стихійно-рѣшительнымъ, становится «сознательнымъ», но также болѣе сложнымъ и болѣе колеблющимся; оно требуетъ болѣе большихъ затратъ энергіи, чѣмъ прежде *). Съ другой стороны, «обдумыванье» затрудняется «посторонними обстоятельствами», которыя «отвлекаютъ вниманіе»; оно не только требуетъ болѣе большихъ затратъ (усиленнаго напряженія), но и подвигается менѣе успѣшно, потому что новые комплексы, вступившіе въ сознаніе, дисгармонизируютъ съ тѣми, которые группировались въ процессъ «обдумыванья», и понижаютъ ихъ энергію.

Гораздо болѣе яркія иллюстраціи къ нашей точкѣ зрѣнія и гораздо болѣе убѣдительныя доказательства ея правильности даетъ область психологическихъ и психіатрическихъ «чудесъ» — гипнотизма, внушенія, истеріи.

VI.

Здѣсь не мѣсто описывать тотъ богатый матеріалъ изъ области психіатріи, невропатологіи, гипнологіи, который имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашей идеѣ: матеріалъ этотъ можно найти въ учебникахъ, въ специальныхъ изслѣдованіяхъ; благодаря той окраскѣ загадочности, какая до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ ему свойственна, онъ проникъ даже въ популярную литературу. Наше дѣло отмѣтить тѣ *общія черты* этого матеріала, которыя не могутъ быть сдѣланы принципиально понятными иначе, какъ съ нашей точки зрѣнія.

Истѣрическіе параличи и анестезіи имѣютъ чисто «функ-

*) Переходъ отъ „автоматическихъ“ реакцій къ „сознательнымъ“ всегда означаетъ непосредственное повышеніе затратъ энергіи, такъ какъ послѣднія всегда находятся въ процессъ „выработки“ (см. мою работу „Познаніе съ историч. точки зрѣнія“, Спб. 1901, главы о привычныхъ и пластичныхъ реакціяхъ).

ціональний» характер: никаких «органических» измѣненій, какія бываютъ при другихъ параличахъ и анестезіяхъ, здѣсь не удастся констатировать: ни поврежденій или перерожденій въ нервныхъ центрахъ, ни нарушеній въ гистологіи проводниковъ. Болѣе того: принципиальная неустойчивость этихъ явленій, возможность почти мгновенно возникающихъ рѣзкихъ переимѣнъ въ ихъ теченіи (трансфертъ, различные эффекты внушенія, неожиданныя излѣченія и т. под.) ясно доказываютъ, что здѣсь дѣйствительно нѣтъ никакихъ значительныхъ, сколько-нибудь глубокихъ измѣненій въ жизненной системѣ.— И еще въ большей, очевидно, мѣрѣ все то же относится къ параличамъ и анестезіямъ внушеннымъ.

Какимъ же образомъ при жизненной цѣлости нервныхъ центровъ и проводниковъ возможны такія обширныя и серьезные нарушенія въ ихъ функціи?

Различные опыты и наблюденія надъ истеричными показываютъ, что «анестезированныя» области ихъ тѣла не только могутъ «чувствовать» внѣшнія раздраженія, но нерѣдко даже «чувствовать» гораздо тоньше, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ, такъ что приходится признать настоящую «гиперэстезію» *). Эта «не чувствующая чувствительность» можетъ выражаться въ сложныхъ высказываніяхъ, что и заставило многихъ изслѣдователей принять особое «подсознаніе», управляющее реакціями анестезированныхъ областей организма, а также выступающее и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ **). Мы видѣли, что всего проще и цѣлесообразнѣе разсматривать все

*) Нѣкоторые изъ этихъ опытовъ и наблюденій упоминались въ статьѣ „Жизнь и психика“, въ первой главѣ. Важно отмѣтить, что существуютъ объективные и надежные критеріи, въ видѣ различныхъ методовъ изслѣдованія чувствительности и детальной механической регистраціи движеній точными приборами, — критеріи, позволяющіе исключить возможность обмана и симуляціи.

**) Напр., когда „вниманіе отвлечено“, и нормальное сознаніе не воспринимаетъ болѣе слабыхъ возбужденій — задаваемыхъ сзади вполголоса вопросовъ и т. под.

это, какъ частные случаи жизненнаго обособленія психическихъ координацій отъ главной группировки переживаній — отъ сознанія. Вопросъ заключается именно въ томъ, что ихъ обособляетъ, какія «стѣны» или «перегородки» возникаютъ въ этихъ случаяхъ между принадлежащими одному существу группами переживаній.

Беремъ какой-нибудь изъ тѣхъ замѣчательныхъ, поражающихъ народное воображеніе фактовъ, когда удачное внушеніе устраняетъ эти таинственные перегородки, и больной чувствуетъ себя «чудесно исцѣленнымъ»,—все равно, происходитъ ли это въ клиникѣ врача-спеціалиста, въ кабинетѣ шарлатана-магнетизера, въ Лурдскихъ пещерахъ и т. под. Что можетъ дать одинъ человѣкъ другому при актѣ «внушенія»? «Внушеніе»—это только опредѣленное высказываніе внушающаго, происходящее при опредѣленныхъ условіяхъ; лицо, подвергающееся этому акту, фізіологически можетъ получить при этомъ только одно—такую или иную *жизнеразность*. Но эта жизнеразность можетъ при извѣстныхъ условіяхъ коснуться именно тѣхъ частей системы, которыя, находясь въ подвижномъ равновѣсіи, *раздѣляли* собою два потока жизнеразностей, протекавшихъ въ другихъ областяхъ системы; тогда оба потока сливаются въ одинъ, и разъединенныя системы высказываній объединяются между собою: отпавшая координація примыкаетъ къ главной. Психически—человѣкъ получаетъ новое переживаніе, которое, присоединяясь къ главной ассоціативной цѣпи («сознанію»), въ то же время оказывается прямо ассоціировано и съ другой, до сихъ поръ отдѣльной цѣпью переживаній. Очевидно, это то же самое, что «забытое слово», которое учитель подсказываетъ ученику, и безъ котораго весь конецъ стихотворенія выпадаетъ изъ области психическаго опыта ученика. И подобно этому забытому слову, «новое переживаніе», позволяющее больному «вспомнить», какъ совершаются произвольныя движенія его до этого момента парализованной ноги, не можетъ быть *дѣйствительно новымъ* комплексомъ: какимъ образомъ оказалось бы оно тогда ассоціиро-

вано съ «отпавшей» координаціей, когда вводится непосредственно не въ нее, а въ главную координацію?

Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ объ *интерферированномъ* переживаніи (физиологически—объ интерферированной жизненности). «Внушающій» не можетъ *прямо* дать недостающее ассоціативное звено, какъ учитель прямо подсказываетъ забытую фразу; «внушающій» даетъ его косвенно, вызывая ближайшія къ нему изъ наличныхъ звеньевъ такимъ образомъ, что они выступаютъ съ исключительной, необычайной энергіей. Онъ говоритъ рѣшительнымъ тономъ: «встань и ходи»; несомнѣнно, что представленія и желанія, связанные съ этими словами у паралика, суть именно тѣ, которыя ближайшимъ и тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ недостающимъ, интерферированнымъ комплексомъ, (вѣроятно, иннервационнымъ); выступая съ рѣзко повышенной энергіей, они нарушаютъ динамическое равновѣсіе этого комплекса,—онъ становится «непосредственнымъ переживаніемъ» и смыкаетъ концы разорванной ассоціативной цѣпи.

«Внушеніе», какъ извѣстно, не единственный стимулъ такихъ испѣленій. Всякія сильныя потрясенія психической системы до извѣстной степени обладаютъ этимъ свойствомъ. Нерѣдко (сравнительно, разумѣется) простой испугъ помогаетъ истеричному субъекту «вспомнить» употребленіе парализованныхъ частей тѣла. Путь здѣсь оказывается еще болѣе косвенный, чѣмъ при внушеніи, но сущность дѣла та же. Рядъ переживаній, съ большой энергіей вступающихъ въ цѣпь «сознанія», вызываетъ рѣзкія колебанія въ интенсивности и силѣ другихъ комплексовъ этой цѣпи; въ числѣ прочихъ, испытываютъ такое колебаніе и тѣ комплексы, которые ближе всего примыкаютъ къ интерферированнымъ звеньямъ; эти звенья вовлекаются въ общее потрясеніе психической системы, и вводятъ въ него цѣлыя новыя координаціи.

Внушенные параличи и анестезіи даютъ намъ и другой моментъ этихъ явленій — образованіе перерыва координацій путемъ жизненной интерференціи. Тутъ механизмъ явленій

выступает еще нагляднѣе. Внушающій прямо стремится вызвать и фиксировать въ психикѣ паціента переживанія, прямо противоположныя тѣмъ, которыя соотвѣтствуютъ нормальной функціи даннаго органа («твоя рука ничего не чувствуетъ... она безсильна... она неподвижна... она отнялась»... и т. под.). Если внушающему удастся достигнуть такимъ образомъ надлежащей интерференціи только на одномъ минимальномъ пунктѣ ряда переживаній, связывающаго данную частную координатію съ остальными, то дѣло сдѣлано, перерывъ между группами переживаній осуществленъ. Очень понятно, что совершенно аналогичнымъ путемъ его возможно и устранить, какъ это и дѣлается.

Внушеніемъ, при тѣхъ особенно благоприятныхъ для него условіяхъ, которыя даются нѣкоторыми гипнотическими состояніями, экспериментаторы достигаютъ результатовъ, заключающихъ въ себѣ, на первый взглядъ, не только психологическое, но и логическое противорѣчіе. Внушается, напр., по пробужденіи «не видѣть» такого-то; и паціентъ точно исполняетъ это, безъ малѣйшей симуляціи, въ чемъ убѣждаютъ различные контрольные приемы. Паціентъ искренно изумляется, когда «невидимое» для него лицо беретъ и поднимаетъ какой-нибудь предметъ,—потому что ему кажется, что предметъ виситъ въ воздухѣ. Чтобы такимъ образомъ «не видѣть» данное лицо, его, очевидно, надо хорошо *различать* среди всей обстановки, отчетливо выдѣлять изъ нея, словомъ — ясно *видѣть*. Единственное возможное разрѣшеніе этого формального противорѣчія, наглядно опровергающаго абсолютный апіоризмъ логики, таково: данное „невидимое“ лицо все время продолжаетъ существовать для паціента какъ такой комплексъ элементовъ, который либо интерферируется цѣликомъ, либо отдѣляется отъ главной цѣпи переживаній интерферируемыми ассоціативными звеньями *).

*) Эти явленія часто обозначаютъ, какъ внушенные „отрицательныя галлюцинаціи“. Съ нашей точки зрѣнія — названіе особенно удачное: принципиальнаго отличія отъ внушенныхъ

Вполнѣ аналогичный смыслъ имѣютъ, очевидно, различные опыты съ вынужденнымъ забываніемъ и т. п. Но мы полагаемъ, что пока достаточно иллюстрацій.—Въ сущности, все это ничуть не болѣе загадочные факты, чѣмъ то постоянное явленіе, что *все* комплексы сознанія существуютъ въ нашемъ психическомъ опытѣ съ перерывами, а *все* наши двигательныя реакціи также съ перерывами возникаютъ въ сферѣ физическаго опыта. Познаніе не можетъ мириться съ нарушениями непрерывности; оно творчески ихъ заполняетъ на основѣ того же опыта, создавая схемы, превращающія перерывы въ частные случаи непрерывности. Для перерывовъ сознанія такая схема—интерференція переживаній, для двигательныхъ реакцій—интерференція жизнеразностей.

VII.

Одна часть нашей задачи можетъ считаться выполненной: мы показали, какимъ образомъ жизненная связь тѣхъ комплексовъ, которые образуютъ одно «живое существо», допускаетъ раздѣленіе тѣхъ «полей», въ которыхъ являются эти комплексы. Съ достигнутой нами точки зрѣнія можетъ на первый взглядъ показаться совсѣмъ ужь легкой другая часть задачи,—вопросъ о томъ, какъ возможно разъединеніе психическихъ полей у *различныхъ* живыхъ существъ. Но очень большая легкость иногда оказывается при ближайшемъ анализѣ еще болѣе трудностью: дѣло идетъ не только о томъ, какъ *разобщаются* комплексы опыта различныхъ живыхъ существъ, но и о томъ, какъ они *собщаются*, въ какомъ об-

положительныхъ галлюцинацій не оказывается; если при наличности комплекса *A* (воспріятіе даннаго лица) внушается дополнительный комплекс—*A*, который его, такъ сказать нейтрализуетъ, то чѣмъ это отличается по существу отъ внушенія любого комплекса *B*, котораго нѣтъ въ наличности такъ что онъ является положительной галлюцинаціей?

шемъ полѣ находятся ихъ отдѣльныя психическія поля. Интерференція можетъ только разъединить то, что уже связано.

Мы приняли, на основаніи многихъ соображеній, что всякому фізіологическому комплексу соотвѣтствуетъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, отраженіемъ котораго онъ является. Вотъ фізіологическій комплексъ — сѣтчатка глаза; такъ какъ онъ представляетъ изъ себя сложную, въ основѣ нервную ткань, то мы можемъ думать, что соотвѣтственный комплексъ непосредственныхъ переживаній очень высоко дифференцированъ, и вообще отличается высокимъ развитіемъ. Онъ находится въ непрерывной жизненной связи съ остальной системой переживаній, и связь эта выражается въ наличности зрительнаго нерва, объединяющаго жизнеразности сѣтчатки съ жизнеразностями мозга. Перерѣжемъ одинъ изъ зрительныхъ нервовъ: связь одной изъ сѣтчатокъ съ мозгомъ нарушена, всѣ «непосредственные комплексы», соотвѣтствующие ея жизнеразностямъ, отдѣлены отъ главной ассоціативной цѣпи, не вызываютъ въ ней больше тѣхъ комбинацій, которые называются «зрительными впечатлѣніями». Это — зрительная анестезія, но она не похожа ни на какую истерическую или внушенную слѣпоту: она не поддается дѣйствию никакого внушенія. Тутъ не интерференція ассоціативныхъ звеньевъ, а что-то другое.

И однако, связь не абсолютно утеряна. Другой глазъ видитъ; и при помощи довольно простой комбинаціи оптическихъ зеркалъ и стеколъ можно сдѣлать такъ, что онъ будетъ видѣть *сѣтчатку*, зрительный нервъ которой перерѣзанъ. Но «видѣть», «воспринимать» сѣтчатку, это, какъ мы знаемъ, означаетъ получать *отраженіе* тѣхъ «непосредственныхъ комплексовъ», которымъ она, какъ фізіологическое явленіе, соотвѣтствуетъ. Другими словами, изолированные отъ главной цѣпи переживаній путемъ разрушенія, дезорганизаціи посредствующихъ звеньевъ, комплексы эти остались въ иной, «непрямой» связи съ этой цѣпью: они косвенно «отражаются» въ ней, но не вступаютъ въ нее непосредственно; и понятно,

что это «отраженіе» неизмѣримо бѣднѣе ихъ собственнаго содержанія: видѣть сѣтчатку глаза съ ея измѣненіями, это безконечно меньше, чѣмъ «видѣть при посредствѣ» этой сѣтчатки *).

Перерѣзка зрительнаго нерва есть его разрушеніе, дезорганизация; дезорганизованная часть его приобретаетъ и по отношенію къ мозгу и по отношенію къ живой еще сѣтчаткѣ такое же значеніе, какъ любая часть «неорганизованной среды». Перерывъ и тутъ не абсолютный: есть все основанія думать, что тѣ физико-химическія измѣненія, которыя свѣтъ продолжаетъ еще вызывать въ сѣтчаткѣ, не пропадаютъ и теперь безусловно для мозга, что они и теперь «передаются» черезъ перерывъ нерва,—но совершенно не въ томъ видѣ и не въ той степени, какъ прежде;—они вызываютъ не тѣ «зрительныя» измѣненія въ мозгу, какъ прежде; а иныя, несравненно менѣе значительныя и несравненно менѣе сложныя, и главное—иного типа. Словомъ, черезъ перерывъ получается только слабое «отраженіе» процессовъ, происходящихъ въ сѣтчаткѣ,—подобно тому какъ другая сѣтчатка при посредствѣ свѣтовыхъ волнъ, зеркалъ, стеколъ и вообще неорганизованной среды получаетъ лишь незначительное «отраженіе» физиологической жизни той же первой сѣтчатки. Изъ этихъ двухъ случаевъ «отраженія» намъ хорошо знакомъ, изученъ по вполнѣ понятнымъ причинамъ—только послѣдній, но сущности дѣла это не мѣняетъ,—не мѣняетъ того, что съ точки зрѣнія современной науки, всюду, гдѣ организованная жизненная связь не существуетъ или разрушается, неорганизованные комплексы—внѣшней или внутренней среды—могутъ служить посредствующей связью для *косвеннаго отраженія* однихъ жизненныхъ процессовъ въ другихъ.

*) Последнее выраженіе при нашей концепціи должно считаться неточнымъ: сѣтчатка, явленіе физиологическое, не есть „орудіе“ зрѣнія, а „отраженіе“ ряда непосредственныхъ комплексовъ, ближайшимъ образомъ обуславливающихъ зрительный рядъ переживаній.

Такого рода отраженія однихъ жизненныхъ комплексовъ въ другихъ легко возникаютъ и тогда, когда между ними имѣется непосредственная, прямая жизненная связь: человѣкъ можетъ «видѣть» свою собственную сѣтчатку «при помощи» этой самой сѣтчатки (для этого требуются очень простыя оптическія приспособленія); человѣкъ можетъ «воспринимать» свое собственное тѣло, а при нѣкоторыхъ, правда совершенно исключительныхъ, однако принципиально осуществимыхъ условіяхъ — и нѣкоторые изъ своихъ «нервныхъ центровъ». Всѣ подобные случаи совершенно однородны съ тѣми, когда вообще одно живое существо «воспринимается» другимъ.

Мы опредѣлили «среду» живыхъ существъ, не «отраженную» въ ихъ воспріятіи и представленіи, а взятую «an sich», какъ цѣль неорганизованныхъ комплексовъ *). Вопросъ, возникающій изъ всѣхъ выше изложенныхъ фактовъ опыта, заключается въ слѣдующемъ: *объяснить съ точки зрѣнія причинной связи двойственное отношеніе среды къ жизненнымъ координаціямъ, — ея свойство и разъединять эти координаціи, дѣлая, напр., сознаніе одного существа непосредственно недоступнымъ другому, и въ то же время косвенно соединять ихъ, обуславливая взаимныя «отраженія» одной координаціи въ другой.*

*) Напомнимъ, въ какомъ — отнюдь не метафизическомъ — смыслѣ употребляемъ мы это выраженіе „an sich“. Подъ извѣстные фізіологическіе процессы другихъ людей мы подставляемъ „непосредственные комплексы“ — сознаніе; критика психическаго опыта заставляетъ насъ расширить область этой подстановки, и мы всякую „фізіологическую жизнь“ разсматриваемъ какъ „отраженіе“ непосредственныхъ организованныхъ комплексовъ. Но *неорганическіе процессы* принципиально не отличаются отъ фізіологическихъ, которые представляютъ лишь организованную ихъ комбинацію. Находясь въ одномъ непрерывномъ ряду съ фізіологическими, неорганическіе процессы также должны, очевидно, разсматриваться, какъ „отраженіе“; но чего? комплексовъ непосредственныхъ *неорганизованныхъ*. Выполнить эту подстановку конкретно въ своемъ сознаніи мы *пока не умѣемъ*; что же, вѣдь, мы часто не умѣемъ выполнить этого и по

VIII.

Прежде всего, у насъ есть данныя для нѣкоторыхъ отрицательныхъ характеристикъ интересующей насъ области «неорганизованныхъ комплексовъ».

Во всякомъ случаѣ, ихъ «неорганизованность» не можетъ быть полною и безусловною, они не могутъ представлять изъ себя абсолютнаго хаоса— иначе они не были бы комплексами и не составляли бы вообще никакой среды. Не обладая никакой организованностью, никакой опредѣленностью, они не могли бы «отражаться» въ нашемъ опытѣ въ видѣ *вполнѣ опредѣленныхъ* «внѣшнихъ воспріятій» и «физическихъ тѣлъ»: они не оказывали бы никакого опредѣленнаго, устойчиваго вліянія на теченіе нашего опыта. Очевидно, дѣло идетъ лишь объ *относительной неорганизованности*, или, что то же, о низшей и ничтожной организованности, неопредѣленной и неустойчивой по сравненію съ комплексами развитою опыта.

Далѣе, нельзя разсматривать эти комплексы и какъ находящіеся въ состояніи полной интерференціи, потому что она означаетъ *полный перерывъ* связи между ассоціативными рядами; а «среда» хотя и разъединяетъ ассоціативныя группировки, напр., психики различныхъ людей, но оставляетъ и нѣкоторую связь между ними, допускаетъ возможность косвеннаго ихъ общенія, возможность «отраженія» одной психики въ другой.

Но, съ другой стороны, въ любой цѣпи комплексовъ, все равно какихъ, организованныхъ или неорганизованныхъ, не-

отношенію къ животнымъ (переживанія амёбы?) и даже другимъ людямъ („непониманіе“ ихъ психики). Но вмѣсто конкретной подстановки мы можемъ формулировать *отношеніе* этихъ случаевъ („жизнь an sich“—непосредственные комплексы организованные, „среда au sich“—неорганизованные).

перерывъ ихъ общаго поля достигается только путемъ полной интерференціи, иначе онъ былъ бы безпричиннымъ. Если бы сознаніе *A* и сознаніе *B* связывались цѣпью неорганизованныхъ комплексовъ, въ которой не было бы полной интерференціи, то цѣпь эта не отличалась бы отъ любой ассоціативной цѣпи ничѣмъ, кромѣ очень неустойчиваго содержанія, и вмѣстѣ съ обоими сознаніями образовала бы одно общее поле, въ которомъ только кромѣ двухъ рядовъ опредѣленныхъ комбинацій была бы еще масса комбинацій неопредѣленныхъ и неустойчивыхъ. Въ дѣйствительности этого не наблюдается.

Итакъ, интерференція въ ряду комплексовъ среды есть, и полная, но такая, что полного перерыва связующей цѣпи не даетъ, а въ то же время даетъ перерывъ относительный, при которомъ двѣ, напр., системы сознанія образуютъ два различныхъ поля переживаній, и однако «отражаются» одна въ другой. Опять передъ нами, повидимому, комплексъ противорѣчій, и притомъ плоскихъ.

Но это только повидимому. Присмотримся къ дѣлу поближе.

Въ организованной ассоціативной цѣпи отдѣльные комплексы обладаютъ извѣстной опредѣленностью и устойчивостью. Если они подвергаются интерференціи, то и она представляетъ изъ себя нѣчто опредѣленное и устойчивое: при продолжающейся смѣнѣ переживаній въ обѣихъ частяхъ ассоціативной цѣпи, обѣ онѣ остаются въ теченіи извѣстнаго времени разъединенными—живутъ дѣйствительно отдѣльной жизнью.—Не таковы неорганизованные комплексы среды: они неопредѣленны и неустойчивы, они не обладаютъ сложившимся и сохраняющимся строеніемъ, они непрерывно и стихійно измѣняются — иначе мы не можемъ представить себѣ ихъ «неорганизованность». Но если такъ, то и полная интерференція для каждаго изъ такихъ комплексовъ можетъ быть только *моментомъ*, но не *состояніемъ*: это мгновенная, неустойчивая интерференція.

Принимая, какъ наиболѣе вѣроятныя характеристики, большую несложность и неопредѣленность, постоянныя распаденія

и непрочныя объединенія такихъ комплексовъ, принимая, что различныя ассоціативныя, напр., психическія системы связываются при посредствѣ *очень большого числа* такихъ мелкихъ неорганизованныхъ комплексовъ, мы можемъ сдѣлать одинъ важный выводъ уже а priori, на основаніи принципа вѣроятности. Этотъ выводъ будетъ такой: во всякой подобной цѣпи неорганизованныхъ комплексовъ, примыкающей къ двумъ различнымъ организованнымъ рядамъ, во всякій данный моментъ должны найтись пункты полной интерференціи (и притомъ, можно думать, *много* такихъ пунктовъ).

Разъ это такъ, разъ въ промежуточномъ ряду комплексовъ «среды» всегда имѣются отдѣльныя группировки, находящіяся въ полной интерференціи, то для насъ какъ нельзя болѣе понятно, почему поле психики *A* и психики *B* оказывается различнымъ. Но, спрашивается, какимъ же образомъ связь между *A* и *B* при этомъ не уничтожается безусловно.

Вопросъ рѣшается тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь дѣло идетъ объ *неустойчивой* интерференціи, моментально возникающей и столь же быстро исчезающей въ каждомъ данномъ ея пунктѣ. Пока интерференція продолжается, она прерываетъ не только «поле» комплексовъ, но и взаимное вліяніе, взаимодействие тѣхъ комплексовъ, которые разъединены интерферируемыми группировками. Но лишь только интерференція данной группировки прекращается, прежде разъединенные комплексы оказываются въ одномъ полѣ и начинаютъ взаимно измѣнять другъ друга, тѣмъ болѣе интенсивно, чѣмъ менѣе они организованы, чѣмъ болѣе неустойчивы. Такимъ образомъ, постоянно возникающіе перерывы цѣпи не мѣшаютъ тому, что различныя ея звенья дѣйствуютъ другъ на друга, извѣстнымъ образомъ «отражаются» одно въ другомъ. И если эта цѣпь связываетъ двѣ ассоціативныя системы, то этотъ рядъ послѣдовательныхъ «измѣненій» или «отраженій» приведетъ къ тому, что каждая изъ этихъ системъ — не прямо, но, какъ мы видимъ, весьма косвенно будетъ измѣнять другую — «отразится» въ ней — породитъ въ ней «воспріятіе» жизненнаго комплекса.

Пусть, напр., живое существо A и живое существо Z связываются цѣпью неорганизованныхъ комплексовъ среды $\beta, \gamma, \delta, \epsilon, \dots, \kappa, \lambda, \mu, \dots, v, \varphi, \chi, \psi$. Предположимъ, что въ данный моментъ группировки δ, λ, χ находится въ состояніи полной интерференціи. Въ такомъ случаѣ, во-1), A и Z находятся въ *различномъ* полѣ; во 2), β и γ находятся въ одномъ полѣ съ системой A и подвергаются ея измѣняющему вліянію, а ψ —въ одномъ полѣ съ Z , и также подвергаются ея вліянію; въ 3), β вліяетъ на γ , v на φ , и обратно, но пока δ, λ, χ интерферируются, черезъ нихъ никакое вліяніе, никакое измѣненіе не передается, не «отражается». Но въ слѣдующій моментъ дѣйствіемъ различныхъ примыкающихъ комплексовъ эти δ, λ, χ выводятся изъ состоянія интерференціи, переходя въ новый видъ δ', λ', χ' , а въ состояніе интерференціи приводятся—также, конечно, дѣйствіемъ различныхъ примыкающихъ комплексовъ— β, μ, v . Теперь уже комплексъ γ оказывается въ одномъ полѣ съ δ' и ϵ ; а такъ какъ онъ въ предыдущій моментъ измѣненъ вліяніемъ β и A , то это измѣненіе теперь черезъ него «отражается» и въ δ' и въ ϵ , словомъ—«передается» дальше по цѣпи неорганизованныхъ группировокъ; но дальше въ какомъ-нибудь пунктѣ «задерживается» другими интерферируемыми группировками. Въ слѣдующій моментъ эти группировки выйдутъ изъ своего равновѣсія, и измѣненіе отразится черезъ нихъ на слѣдующихъ звеньяхъ, и т. д.—Этимъ путемъ—не прямымъ, а косвеннымъ—совершится «общеніе» живыхъ существъ, «воспріятіе» одного изъ нихъ другимъ и обратно.

Давая картину этой передачи, мы поневолѣ прибѣгаемъ къ *пространственнымъ* символамъ («цѣпь», «смежныя группировки» и т. под.); но здѣсь они имѣютъ тотъ же переносный смыслъ, какой дается имъ въ выраженіяхъ: «ассоциативная цѣпь», «ассоціація по смежности» и т. под. Мы воспринимаемъ свою «среду» пространственно; но это уже *отраженіе* неорганизованныхъ комплексовъ среды въ нашей психикѣ, а не самые комплексы въ ихъ непосредственности. Это вполнѣ

аналогично тому случаю, когда мы воспринимаемъ челоѣка, какъ «тѣло», въ пространственной формѣ, но его «сознаніе» не представляемъ себѣ, какъ нѣчто пространственное *). Смежность всякихъ вообще «непосредственныхъ» комплексовъ слѣдуетъ представлять себѣ по типу смежности психическихъ группировокъ въ нашемъ опытѣ.

Я хотѣлъ бы продолжить изложеніе своей концепціи, но здѣсь возникаетъ опасеніе, которое заставляетъ меня немного уклониться въ сторону. Очень вѣроятно, что иного читателя-позитивиста моя концепція приведетъ въ большое недоумѣніе, что онъ скажетъ: какая метафизика! — и даже, быть можетъ, съ негодованіемъ захлопнетъ книгу. А читатель-метафизикъ? Онъ, конечно, вовсе не будетъ читать мою работу, и говоря откровенно—это не слишкомъ огорчить меня. Но у читателя-позитивиста я попрошу еще нѣсколько минутъ вниманія. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы у меня съ нимъ вышло недоразумѣніе, которое, какъ я глубоко убѣжденъ, послужить не только не къ моей, но и не къ его пользѣ.

IX.

Метафизика возникаетъ тамъ, гдѣ мышленіе пытается выйти за предѣлы *возможнаго опыта*. Такъ какъ всякое дѣйствительное мышленіе есть *гармонизація опыта*, и слѣдовательно имѣть опытъ своимъ содержаніемъ, то метафизика есть *мнимое мышленіе*. Она возможна потому, что область употребленія словъ шире области мышленія; она представляетъ изъ себя словесныя комбинаціи безъ познавательнаго содержанія. Она

*) Обыкновенно и здѣсь мы непоследовательны—мы «вкладываемъ» сознаніе въ тѣло живого существа, и слѣдовательно представляемъ сознаніе отчасти въ пространственной формѣ. Это такъ назыв. „интросекція“; ея логическій анализъ данъ Авенаріусомъ въ „Человѣческомъ понятіи о мірѣ“ соціально-психологической генезисъ я изслѣдую въ ст. „Авторитарное мышленіе“ („Изъ психологіи общества“, Спб., 1904).

подчиняется не законамъ логики, но законамъ грамматики, хотя иногда, впрочемъ, и ихъ въ увлеченіи нарушаетъ.

Выходъ за предѣлы *возможнаго* опыта совершается въ двухъ направленіяхъ:

1. Принимаются *элементы* принципиально иного рода, чѣмъ тѣ, какіе имѣются въ опытѣ. Такова подкладка непознаваемой «вещи въ себѣ», не имѣющей по содержанію (т.-е. по элементамъ) ничего общаго съ «явленіемъ».

2. Принимаются *отношенія* принципиально иныя чѣмъ тѣ, въ какихъ соединяются элементы опыта. Таково все «абсолютное», «безусловное», «внѣ-временное» и т. д.

Этими двумя чертами характеризуется метафизика.

Выходъ за предѣлы *дѣйствительнаго* опыта въ область опыта *возможнаго* не есть метафизика, а *гипотеза*. Гипотеза — необходимый элементъ всякаго познанія; она даже является *душой* познанія. Всякое познаніе стремится на основѣ дѣйствительнаго опыта конструировать опытъ возможный, — стремится къ вѣрной гипотезѣ, дающей прочный базисъ для практики.

Гипотеза, которая имѣетъ дѣло съ дѣйствительными элементами опыта и его дѣйствительными отношеніями, которая только создаетъ изъ нихъ новыя комбинаціи, такая гипотеза, конечно, можетъ быть *неверна*, но она не метафизична. Ей не хватаетъ «предпосылокъ» метафизичности.

Такова наша гипотеза. Ея «непосредственные комплексы» — это комплексы тѣхъ же элементовъ, какіе находитъ анализъ опыта. И внутреннія и внѣшнія отношенія этихъ комплексовъ — принципиально тѣ же, какими связываются элементы и комплексы въ опытѣ.

Но, можетъ быть, здѣсь есть третья, хотя и производная, но зато самая важная черта метафизики — словесная пустота абстракцій? Этого было бы достаточно. Вѣдь «непосредственныхъ комплексовъ», которые для насъ «отражаются» въ растительныхъ и неорганическихъ тѣлахъ мы не можемъ себѣ представить; значить они — только слово?

Слово не пусто, когда оно выражает *опредѣленную тенденцію* въ группировкѣ фактовъ опыта, хотя бы эту тенденцію мышленію и не удавалось въ данное время реализовать. «Жителей Марса» мы не можемъ себѣ представить; но это — не пустое слово для того, кто обсуждаетъ вопросъ о происхожденіи каналовъ на Марсѣ. Для такого человѣка данный терминъ выражаетъ опредѣленную познавательную тенденцію: представить извѣстныя особенности планеты Марса по типу культурныхъ измѣненій земной поверхности. «Житель Марса» — это четвертое пропорціональное къ тремъ даннымъ: «земные каналы» — «человѣкъ» — «каналы Марса». Рѣшается задача: опредѣлить неизвѣстное, которое такъ же относится (не въ алгебраическомъ, разумѣется, смыслѣ) къ каналамъ Марса, какъ человѣкъ — къ каналамъ земли. Очень вѣроятно, что задача составлена никуда негодно; но не въ этомъ тутъ дѣло, а въ томъ, что ея X — не пустое слово, а функція данныхъ величинъ, хотя даже форма этой функціи не вполне опредѣлена.

Наша задача составлена такъ: опредѣлить неизвѣстное, которое стоитъ въ такомъ же отношеніи къ неорганическимъ процессамъ и любой низшей формѣ жизни, въ какомъ психическія переживанія стоятъ къ физиологическимъ процессамъ нервной системы. Къ тремъ даннымъ опыта подыскивается четвертое, чтобы связать эти три въ гармонической формулѣ. Форма связи ближе еще не установлена; большинство позитивистовъ полагаетъ: неизвѣстное равно нулю. Я прихожу къ иному рѣшенію, и намѣчаю направленія, въ которыхъ слѣдовало бы искать неизвѣстное, исходя изъ даннаго (элементы — тѣ же, что въ опытѣ; отношенія — принципиально не отличающіяся отъ ассоціативныхъ, какія намъ знакомы, но только несравненно менѣе сложныя, несравненно менѣе опредѣленныя, несравненно менѣе устойчивыя, и т. д.). Рѣшеніе можно критиковать, можно находить, что гипотеза невѣрна, бесполезна, — но нельзя утверждать, что она пуста, метафизична.

X.

Итакъ, наша гипотеза разсматриваетъ «физическую» среду жизни, какъ «отраженіе» (въ социальномъ-организованномъ опытѣ живыхъ существъ) среды «непосредственной», которая разлагается на ряды неорганизованныхъ (точнѣе—минимально организованныхъ) комплексовъ. «Міръ» же, т. е. сумма жизненныхъ процессовъ и ихъ среды, является въ этой концепціи, какъ *безконечно развертывающійся рядъ группировокъ, въ которыхъ связь элементовъ представляетъ самыя различныя степени организованности, отъ самыхъ низшихъ, свойственныхъ комплексамъ среды, до высшихъ, свойственныхъ психикѣ человека.* Наконецъ, «физическая природа», включая въ себя и «тѣла» живыхъ существъ, выступаетъ какъ «отраженіе» этого міра въ одной его части—въ высшихъ «психическихъ» группировкахъ, организующихся въ чело-вѣческой психикѣ подъ вліяніемъ ея «общенія» съ другими.

Съ этой точки зрѣнія теряютъ всякую таинственность многія основныя загадки чело-вѣческаго опыта.

Во-первыхъ, дѣлается понятнымъ тотъ фактъ, что матеріаль для самыхъ высшихъ, «сознательныхъ» формъ жизни непрерывно берется изъ «мертвой природы», и что въ эту же «мертвую природу» непрерывно переходитъ «живая жизнь». Дѣло идетъ здѣсь о группировкѣ менѣе организованныхъ комплексовъ въ болѣе организованныя, ассоціативныя комбинаціи, а также о дезорганизаціи этихъ послѣднихъ опять на менѣе организованные комплексы.

Во-вторыхъ, понятно и то, что «жизнь» подчиняется всеѣмъ общимъ законамъ «неорганическаго міра», не создавая исключеній. Это только означаетъ, что высшія степени организованности, возникая путемъ усложненія и развитія низшихъ,

естественно *включаютъ* въ себѣ эти послѣднія, какъ большее включаетъ въ себѣ меньшее.

Въ-третьихъ, ничего загадочнаго не оказывается не только въ общеніи «психическихъ» существъ при посредствѣ «физической» среды, но и въ *ограниченности* этого общенія, въ томъ, что оно возможно лишь при цѣломъ рядѣ условій, что оно легко прерывается, и когда существуетъ, то остается въ высшей степени неполнымъ. Достаточно представить себѣ, насколько косвеннымъ путемъ совершается это общеніе, какъ много можетъ быть посредствующихъ звеньевъ, изъ которыхъ каждое вліяетъ только на смежныя, насколько должно ослабляться вліяніе начальныхъ звеньевъ при возрастаніи общаго ихъ числа, и какъ часто на пути передачи должны возникать интерферирующія комбинаціи, безусловно еѣ прерывающія, — и станетъ ясно, насколько больше въ каждомъ данномъ случаѣ шансы изолированности, чѣмъ шансы общенія жизненныхъ комплексовъ *). Но изолированность ничего не создаетъ, а общеніе порождаетъ организующій процессъ, результаты котораго прогрессивно накапливаются и возрастаютъ.

Наше представленіе о роли неорганизованныхъ комплексовъ среды естественно приводитъ къ такому вопросу: а не возможенъ ли случай, когда во всей связующей два живыя существа цѣпи этихъ комплексовъ *не найдется* пункта полной интѣрференціи, такъ что «переживанія» обоихъ существъ окажутся *прямо въ одномъ полѣ*, двѣ ассоціативныхъ цѣпи прямо объединятся? Это было бы настоящимъ сліяніемъ душъ... На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что въ *нашемъ* опытѣ такихъ случаевъ, повидимому, не встрѣчается; но съ другими живыми существами это, повидимому, бываетъ. Я подразумеваю *конъюгацию* одноклѣточныхъ организмовъ и половыхъ клѣтокъ. Сліяніе двухъ клѣтокъ въ одну едва ли можетъ выражать что-либо иное, какъ объединеніе двухъ раньше независимыхъ

*) „Общенія“ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, охватывающемъ даже простое „воспріятіе“ одного живого существа другимъ.

рядовъ переживаній въ одинъ рядъ. Для людей такой методъ слиянія душъ, очевидно, не годится, хотя греческая мифологія и нашла одинъ такой случай (исторія Гермафродита и нимфы).

Могутъ ли въ послѣдствіи быть найдены людьми какіе-нибудь способы, и средства прямого общенія ихъ психическихъ организацій—вопросъ, который теперь бесполезно обсуждать.

XI.

Одно изъ самыхъ вѣроятныхъ и, какъ мнѣ кажется, наиболѣе сильное возраженіе противъ изложенной концепціи было бы такое.—Такъ какъ мы не умѣемъ представить себѣ низшихъ «непосредственныхъ комплексовъ», то къ чему можетъ послужить введеніе ихъ въ систему научнаго мышленія? Расширять ли они область нашего *предвидѣнія*, которое составляетъ реальный смыслъ познавательной дѣятельности?

Проще всего было бы отклонить это возраженіе такимъ путемъ. Если данная точка зрѣнія дѣйствительно устраняетъ нѣкоторыя изъ хроническихъ познавательныхъ противорѣчій, не создавая равносильныхъ имъ новыхъ, то она расширяетъ сферу предвидѣнія уже тѣмъ, что сохраняетъ часть энергіи познающаго для творческой дѣятельности познанія. — Но я лично не склоненъ остановиться на этомъ; я склоненъ полагать, что дѣйствительно правильная концепція должна и болѣе тѣмъ путемъ увеличивать возможность предвидѣнія, чѣмъ бы это обнаруживалось не сразу.

Совершенно очевидно, что наша точка зрѣнія позволяетъ постоянно, по мѣрѣ надобности, подставлять вмѣсто комбинацій «отражаемыхъ» — «отраженныхъ», вмѣсто комплексовъ «непосредственныхъ» — «физическіе» и наоборотъ. Фактически мы такъ и поступаемъ вездѣ, гдѣ принимаемъ эти обѣ «стороны» дѣйствительности. Когда намъ надо предвидѣть поступки человѣка, мы съ большой пользой исходимъ изъ представленія объ его «непосредственныхъ переживаніяхъ», когда надо предвидѣть траекторію его паденія или вліяніе его не-

прозрачности на объемъ нашего поля зрѣнія, мы беремъ его, какъ «физическое» тѣло.

То же самое практикуется во всѣхъ областяхъ біологическаго опыта; но только по мѣрѣ приближенія къ низшимъ формамъ жизни точка зрѣнія непосредственныхъ переживаній все рѣже становится для насъ полезной. Но здѣсь мы никогда не покидаемъ ее вполне. Когда, напр., мы видимъ ползущій плазмодій и знаемъ, что на пути его есть мѣсто, слегка смоченное сѣрной кислотой, мы «предвидимъ», что плазмодій свернетъ въ сторону, хотя характеръ происходящихъ при этомъ физико-химическихъ реакцій намъ неизвѣстенъ. Точно также мы предвидимъ, что посаженное нами въ тѣни растеніе будетъ «тянуться къ свѣту», хотя механизмъ этого процесса намъ не вполне ясенъ. Мы не говоримъ уже о насѣкомоядныхъ растеніяхъ и т. под. біологическихъ фактахъ. Все это мы стремимся «объяснить» и съ «физическо» точки зрѣнія, потому что тогда наше предвидѣніе станетъ точнѣе, опредѣленнѣе, шире; однако и послѣ объясненія для насъ иногда будетъ экономнѣе пользоваться старымъ приѣмомъ предвидѣнія.

Но и въ сферѣ неорганическихъ явленій наука часто даетъ такіа формулировки для предвидѣнія, примѣняя которыя мы неизбежно становимся на точку зрѣнія антропоморфной аналогіи. Таковы, напр., всѣ законы, въ которые входятъ понятія *minimum* и *maximum* («линія наименьшаго сопротивленія», «принципъ наименьшей поверхности» и т. под.). Изъ этого антропоморфизма различные метафизики, какъ Вундтъ, дѣлаютъ выводы въ смыслѣ телеологическаго міропониманія. Наша точка зрѣнія ставитъ всѣ эти отгѣнки познавательной дѣятельности на ихъ надлежащее мѣсто. Она не допускаетъ телеологическихъ выводовъ, потому что *причинно* объясняетъ жизненный смыслъ и значеніе этого антропоморфизма: если онъ бываетъ пригоденъ для предвидѣнія по отношенію къ неорганизованному міру, то именно потому, что наша психика сохраняетъ общія черты неорганизованныхъ комплексовъ, изъ которыхъ возникла путемъ развитія. Въ то же время

наша точка зрѣнія наглядно выясняетъ ограниченное значеніе этого антропоморфизма: она показываетъ, что рамки его полезности суживаются тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше мы уходимъ отъ нашего собственнаго типа организациі переживаній. Этимъ предупреждаются многія ложныя предвидѣнія, которыя возможны съ точки зрѣнія панпсихизма и т. под. доктринъ.

Здѣсь открывается широкое поле для изслѣдованія пріемовъ и возможностей человѣческаго предвидѣнія вообще.

Съ точки зрѣнія нашей концепціи получаетъ опредѣленный смыслъ идея *мірового прогресса*. При сколько-нибудь дуалистическомъ міропониманіи понятіе прогресса примѣнимо только къ области *жизни*, да и то, строго говоря, не ко всей этой области: о прогрессѣ жизни «лишенной сознанія» можно говорить лишь съ нѣкоторой натяжкой. Но если, какъ мы принимаемъ, царство неорганическое и царство жизни, жизнь рефлексовъ и жизнь сознанія представляютъ изъ себя только различныя степени организованности «непосредственныхъ комплексовъ», то понятіе прогресса становится во всѣхъ этихъ областяхъ одинаково полноправнымъ. Его содержаніемъ является тогда *возрастаніе организованности комплексовъ*.

Законъ энтропіи, который говоритъ о переходѣ мірового содержанія къ болѣе устойчивымъ, болѣе уравновѣшеннымъ группировкамъ, отнюдь не долженъ разсматриваться, какъ законъ *прогресса*. Устойчивость, уравновѣшенность—это, вообще говоря, не то же самое, что организованность. Первая имѣетъ *статическую*, вторая—*динамическую* тенденцію.

Возрастаніе организованности идетъ въ двухъ направленіяхъ: во-1), расширеніе того матеріала, того содержанія, которое охватываетъ данный комплексъ (увеличеніе суммы его элементовъ); во-2), возрастаніе прочности той связи, которая объединяетъ его части (такъ что требуются все болѣе сильныя ви́шнія вліянія для нарушенія этой связи, для «дезорганизаціи» комплекса). Напр., переходъ отъ низшаго психическаго типа къ высшему означаетъ и прогрессивный ростъ

количества переживаній, и прогрессивную ихъ гармонизацію. Это — *біологическая* характеристика прогресса; но ясно, что для принятой нами концепціи вполне естественно понятие возрастающей организованности примѣнить и къ «неорганическому» міру — рассматривая его не со стороны его отраженія въ нашей психикѣ и въ нашемъ социальномъ познаніи, а со стороны его «непосредственнаго» существованія.

Такимъ образомъ, универсальная идея прогресса формулируетъ тотъ же идеалъ, который въ болѣе близкой намъ—біологической и социальной сферѣ выражается словами: безконечное возрастаніе полноты и гармоніи жизни.

Та же самая тенденція въ еще болѣе частной области—жизни познавательной — воплощается въ идеалѣ *эмпириомонизма*.

Всякій шагъ впередъ на пути познанія или, что то же, всякое *истинное познаніе* является эмпириомонистическимъ: оно либо расширяетъ содержаніе, вмѣщающееся въ данныхъ формахъ познанія—расширяетъ его *эмпирический* матеріалъ, либо создаетъ для этого матеріала болѣе цѣлостныя и прочныя формы—*монистически* его преобразуетъ; въ конечномъ же счетѣ осуществляетъ и то и другое.

Ни въ какомъ иномъ смыслѣ прогрессъ познанія невозможенъ: познаніе метафизическое, внѣ-эмпирическое, есть пустая фикція; познаніе лишенное единства, внѣ-монистическое означаетъ только пробѣлъ познанія. То и другое не есть «истина».

Свою точку зрѣнія мы считаемъ однимъ изъ необходимыхъ этаповъ эмпириомонизма *). Если мы въ этомъ не ошибаемся, то она есть *истина времени*.

*) Эмпириокритическая концепція кажется мнѣ также необходимой, но—пройденной ступенью этого пути. Я подразумеваю, конечно, не самый принципъ критики опыта—такая критика всегда необходима,—а совокупность взглядовъ данной школы. Я не стану заниматься здѣсь разграниченіемъ отъ этихъ взглядовъ своей точки зрѣнія—оно слишкомъ нетрудно

З а к л ю ч е н і е.

Всѣ три основные вопроса, рассмотрѣнные нами въ этой работѣ, сводятся къ одной общей задачѣ:

найти тотъ путь, на которомъ возможно было бы систематически свести всѣ перерывы нашего опыта къ принципу непрерывности.

Изъ числа основныхъ перерывовъ опыта первый—наиболѣе привычный для современнаго сознанія—есть пропасть, раздѣляющая «духъ» и «матерію».

Новѣйшій позитивизмъ показалъ тожество *элементовъ*, на которые разлагается содержаніе обѣихъ этихъ областей опыта; перерывъ свелся такимъ образомъ къ двумъ принципиально-различнымъ типамъ связи элементовъ—физическому и психическому.

Нашъ анализъ привелъ насъ къ выводу, что эти два типа связи различаются вовсе не принципиально,—что это двѣ послѣдовательныя фазы организаціи опыта: *психическое есть опытъ организованный индивидуально, физическое—органи-*

для свѣдущаго читателя; но чтобы иллюстрировать разницу пріемовъ, я предлагаю читателю сравнить, какъ трактуется вопросъ о связи между живыми существами въ „Критикѣ чистаго опыта“ Авенаріуса (ч. II) и его же „Der menschliche Weltbegriff“ или въ книгѣ его ученика Гольцапфеля „Panideal“, и въ этой моей работѣ.

зованный *соціально*. Второй типъ является однимъ изъ результатовъ развитія перваго.

Другой изъ основныхъ перерывовъ представляетъ, собственно, частный случай перваго: это перерывъ между «сознаніемъ» и «физиологіей» въ сферѣ жизни. Но онъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе и ощущается съ особенной остротой именно потому, что проходитъ черезъ самую близкую намъ область реальнаго, и потому что вынуждаетъ въ одномъ понятіи «жизни» объединять, повидимому, абсолютно различныя по характеру и содержанію группы явленій.

Нашъ анализъ устанавливаетъ *причинную* связь между областью «непосредственныхъ переживаній» и областью «физиологическихъ процессовъ»: вторая разсматривается, какъ отраженіе первой (въ *соціально организованномъ* опытѣ живыхъ существъ).

Этотъ выводъ неразрывно связанъ съ представленіемъ о *строгомъ параллелизмѣ* обоихъ рядовъ явленій, и объ одинаковой примѣнимости къ нимъ обѣихъ *принциповъ энергетики*.

Наконецъ, третій основной перерывъ — это тотъ, который выражается въ антитезѣ индивидуальнаго и универсальнаго, а также индивидуальнаго и другого индивидуальнаго. Это — перерывъ поля переживаній.

Нашъ анализъ свелъ его къ закону причинности, къ опредѣленной его формѣ — *интерференціи* (именно, интерференціи «непосредственныхъ» переживаній и вообще «непосредственныхъ комплексовъ»).

Само собой разумѣется, что всѣмъ этимъ намѣченная задача не исчерпывается: разрѣшеніе однихъ вопросовъ ставитъ другіе. Но эти дальнѣйшіе вопросы — менѣе общаго характера; ихъ мѣсто въ болѣе частномъ, болѣе специальномъ изслѣдованьи.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

1. Идеаль познанія	5
2. Жизнь и психика:	
А. Область переживаній	63
В. Психоэнергетика	94
С. Монистическая концепція жизни	124
3. Universum	148
Заключеніе	183

